

Юрий Татаренко родился в 1973 году в Новосибирске. Работает журналистом. Член Союза писателей России с 2006 года. Публиковался в литературных журналах: «Арион», «Новая Юность», «День и ночь», «Сибирские огни», «Нева», «Иртыш», «Алтай», «Бийский вестник», «Российский писатель», «Чаша круговая», «Южная звезда», «Лава», «Отражения», «Берега Тавриды» и др..

Юрий Татаренко **г. Новосибирск**

14 июля

У каждого облака – запах свободы,
Едва различимый с вершины горы.
И нет путешествия – лишь эпизоды.
И предощущение дикой жары.
Весь мир – это карий и желто-зелёный.
За шторами носится облачный пух...
А что остается рабам и влюблённым?
Лишь пиво на вечер да море на слух.

Разлука

Солнце спрячется в завтрашний день –
И вода моментально остынет.
И словам станет попросту лень
К нам протиснуться сквозь запятые...

Дочитаю бутылку вина.
Откажусь от вишневого сока.
Если волнам давать имена,
Будет ночь. И не так одиноко.

Внутренний монолог

Кэшбэк – достижение безнала.
Весна – приближение к пенсии...
Ах, если бы молодость знала
Недобрые старые песни!
Да знает – чего разворчался...
Откуда – оттуда, неважно...
А сами не шлялись ночами?
А пили одну простоквашу?
И кровь разыгралась пожаром,
И замерло стихотворенье.
Пойду, прогуляюсь, пожалуй.
Полпервого – детское время.
Смешны Центробанка резервы.
Подростки не копят на старость.
Гормоны играют на нервах,
Поспешно освоив гитару.
Рубли превратились в копейки.
Моря превратились в озёра.
И школьники топчут скамейки:
«Мы лёд под ногами майора...».

Три вопроса не по существу

Материться – толком не отвыкли:
Над страной – не колокола.
В неизбежность русского артикля
Свято верю утром с похмела.

У ботинка язычок – шершавый.
Поцелуи – пропуск на войну.
Замену зелёный на шуршащий.
Закидаю влажным тишину.

Самых честных правил – где ты, дядя:
Кто ещё расскажет морякам,
Что о прошлом лете помнит дятел
И как часто дышит таракан?

У поэтов есть такой обычай:
В круг сойдясь, рулетку доставать...
Кто «стихи» возьмёт и раскавычит,
А медали спрячет под кровать?

Кто успел сменить Москву на Прагу,
Ничего не знает про Москву.
Где родился – там и... меешь право
На вопросы не по существу.

И пускай на стареньком диване
Накопить на старость не сумел –
Я уже скромнее стал в жевании...
Где бы денег взять на опохмел?

Татьянин день

Посиделки на троих:
Водочка, мужик, селёдка.
От озимых-яровых –
И до песен во всю глотку.
К счастью, на полу хрусталь.
Взгляд задумчивый сквозь вилку:
То ли ты уже февраль,
То ли взять ещё бутылку.

Вечерний пасьянс

Поезд мчится еле-еле
По заснеженной весне.
День – и ночь: шуршат качели
В неоглядной тишине.
«Фима веников не вяжет» –
Шёпот над колодой карт.
На душе лапша говьяжья.
Одноразовый плацкарт.

Человек купейный

Освободиться – правда, от иллюзий –
Я вышел в тамбур. В ночь. Без сигарет.
Метель и поезд – это олл инклюзив.
Что ни добавишь – будет винегрет.

И пробуешь молчать о чём угодно –
О квадрокоптерах, ПЗРК...
И кто-то из соседнего вагона
Бесцеремонно тянет за рукав.

И отдаёт печенье земляничкой.
И ни о чём газетный разворот.
И поезд притворяется заикой.
Попутчики – доверчивый народ.

Стакан и штопор – лишнего не требуй.
Не спит в портфеле крымское вино.
Холодный, холостой – но хомо трезвус.
Для мавзолея – самое оно.

Узники дождя

Бежали. Смеялись. Успели.
Но чайник привычно ворчит.
Я снова нашел еле-еле
От дома вторые ключи.
Ты мокрое скинула шустро.
Пожалуйста, не смотри.
В плену вертикального шума
рождаются пузыри.

Окраина Бердска

Женский смех в полночном коридоре.
Снова на пол выпали ключи.
Это спящий бердский санаторий
Продолжает страждущих лечить...
На тарелке – косточки от вишен.
И конверт не вскрытый – под рукой.
И давление, кажется, чуть выше,
Чем верхушки сосен над рекой.
Буду рад и солнечной погоде,
И ненастью – в Омске и Москве.
Потому что лето на исходе.
Потому что кровь на рукаве.

Истома

Суббота – где-то там, в календыре.
Как день знакомства, значит, несчитово.
Бубнит прибор о том, что на жаре
Бездумно тело, а душа – без плова.
О главном – всякий раз издалека.
Так знай, что Тэффи звали идиоткой,
Что снова морем пахнут облака,
Что апельсин уже не пахнет водкой...

Осенний плацкарт

Билеты взял в один вагон.
Места не рядом.
Под полотенцем телефон.
А где зарядка?
Колючий свитер голубой –
До подбородка.
А между мною и тобой –
Перегородка.

А не тяжелый чемодан –
На верхней полке.
В нем разноцветная еда,
Бутылок покер.
А у соседей колбаса –
На загляденье.
И ровно через три часа
Твой день рождения.

В километре от Карадага

У фабрикантов грез кончаются заводы.
Волошин сделал вид, что вновь не при делах.
И наглый черный кот ударился в зевоту,
Услышав разбитных подвыпивших девах.
И волны шелестят. И все не слава богу.
Как после смс: «Успела на метро».
И мыс Хамелеон своим шершавым боком
Ни капли не похож на гладкое бедро.
Читатель винных карт дорос до детектива.
Меж небом и землёй вдруг шире стала щель.
Сапожник без штанов. Фотограф без штатива.
Ещё и склад закрыт потерянных вещей...

Обитель

На даче – мокро, сумрачно, четверг.
Перезревают огурцы в теплице,
Не знающие слова «фейерверк»
И выражения «вчера в столице»...
Переживает старая скамья:
Дожди, похоже, август продырявят.
Твой третий курс и молодость моя
Соприкасаются календарями.

в январском парке предрассветном,
где не курить разрешено,
идёшь и стряхиваешь скверну
и напеваешь заодно:
«кавалергарда век – не доллар».
не доллар, впрочем, всё вокруг.
и раздражает южный говор
у веток, жаждущих на юг.
опять неровно месяц выгнут!
безруким труден каждый шаг:
снежинки зимопись постигнут,
но каллиграфию – никак...
не жаль ни капельки, нисколько
лису с отломанным хвостом.
и карусель скрипит, как койка –
да не о том всё, не о том.

Я начитался умных книжек –
А вот не знаю наперёд,
Какая из сосновых шишек
Со мною в рай не попадёт.